

Михаил Иванович Пыляев

Исторические колокола

*Часть сборника
Замечательные чудаки и
оригиналы (сборник)*

Старое житье

Михаил Пыляев

Исторические колокола

«Public Domain»

1892

Пыляев М. И.

Исторические колокола / М. И. Пыляев — «Public Domain»,
1892 — (Старое жите)

«Начало употребления колоколов приписывается египтянам, по словам историков, колокола будто бы употреблялись при священнодействиях в праздники Озириса. Грекам также были известны колокола; у афинян при храмах Прозерпины существовали колокола с тою же целью, как у нас, — ими народ призывался к богослужению. Тибул Страбон и Полиций, жившие за двести лет до Р. Х, говорят о колоколах, а позднее Иосиф Флавий подробно описывает их в своих еврейских антиквариях. В Китае и Японии древность некоторых колоколов несколько не уступает древности Рима, Греции и даже Иудеи и Египта...»

© Пыляев М. И., 1892

© Public Domain, 1892

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

М. И. Пыляев

Исторические колокола

*Колокол – это голос церкви, зовущий издалека и посылающий
равномерный привет дворцу и лачуге.*

Паоло Мантегацца

I

*Начало употребления колоколов. – Значение слова «колокол». –
Клепала и била. – Легенда о Пронском биле. – Сказание о древних
новгородских колоколах. – Чугунные, стеклянные, глиняные и деревянные
колокола. – Подразделение колоколов. – История набатного или
всполохиного колокола. – Вечевые колокола. – Колокола красного
звона. – Пленные и ссыльные колокола. – Царские золотые и лыковые
колокола. – Отливка колоколов. – Замечательные по звуку колокола. –
Криптографические надписи на колоколах. – Искусство звонить. –
Крещение колоколов. – Надписи на колоколах. – Царь-колокол и его
история. – Иван Великий. – Большой Успенский колокол. – Случай при
поднятии этого колокола. – Колокола Реут, Вседневный, Медведь, Лебедь,
Широкий, Слободской, Ростовский, Немчин, Глухой и Корсунские зазвонные*

Начало употребления колоколов приписывается египтянам, по словам историков, колокола будто бы употреблялись при священнодействиях в праздники Озириса. Грекам также были известны колокола; у афинян при храмах Прозерпины существовали колокола с тою же целью, как у нас, – ими народ призывался к богослужению. Тибул Страбон и Полиций, жившие за двести лет до Р. Х, говорят о колоколах, а позднее Иосиф Флавий подробно описывает их в своих еврейских антиквариях. В Китае и Японии древность некоторых колоколов нисколько не уступает древности Рима, Греции и даже Иудеи и Египта.

Слово «колокол», по догадкам некоторых ученых, имеет корень с греческого «калкун», означающее клепало или било. Первые колокола при церквях на западе введены в употребление в конце VI века. Литые первых колоколов приписывают Павлину, епископу Нольскому, что в Кампанье; думают, что от этого и произошло латинское их название сапрапа и pola.

При христианских храмах колокола, надо полагать, вошли в употребление на Западе не раньше конца VI или начала VII века; существует предание, что когда в 650 году войска Клотария осадили Орлеан, то Орлеанский епископ Луп велел звонить в соборный колокол при церкви св. Стефана; осаждавшие, испугавшись этого звона, приняли его за голос ангела и поспешно сняли осаду города. На Востоке колокола употреблялись весьма редко; при взятии Константинополя турками колокола были уничтожены и сохранились только в немногих местах Сирии и Палестины. Турки запрещали колокола под тем предлогом, что будто бы звук их возмущает покой душ, витающих в воздухе.

Колокола, как у древних, так и у христианских народов употреблялись в разных случаях: звон их призывал народ в храмы, извещал о времени, возвещал о начале действий военных и выступлении войск в поход. В некоторых местах звонили в колокола, когда вели на казнь преступников, случался пожар в городе или смерть царя, епископа и даже частного лица. В

небольших городах, как мы уже заметили, колокола заменялись клепалами, билами или просто досками, как, например, в Греции, где их называли «симандрами»; это были просто деревянные и железные полосы, в которые били палками или колотушками. Подобные доски находились в XII и XIV веках в новгородских и псковских церквях – они и теперь еще употребляются на Алтае и в Сибири в старообрядческих скитах.

В слободе Плотной, составляющей одно из предместий нынешнего города Пронска, на колокольне тамошней приходской церкви, хранится такое древнее било, по преданию, заменявшее некогда в старину вечевой колокол. По рассказам старожилов, это било неизвестно для чего неоднократно переносили из Пронска верст за пять, в село Ельшину, но било опять уходило на старое место в Пронск. Предание говорит, что оно принадлежало женскому монастырю, ныне уничтоженному, бывшему на том самом месте, где теперь сооружена приходская церковь, сохранившая еще доселе чудное било. У этой церкви похоронены многие княжны и княгини Пронские. Било это положено «кладью» в церковь с тем, чтобы оно принадлежало вечно одной и той же церкви. И, по народному поверью, никакою силою невозможно присвоить била с того места, которому оно завещано.

О колоколах новгородских упоминается с XI века, как это видно из повествования о приходе в Новгород литовского князя Всеслава Брючиславича, снявшего с Софийской колокольни колокола в 1066 году, и из жития преподобного Антония Римлянина, приплывшего в 1106 году во время утрени к Новгороду и слышавшего в нем великий звон.¹ Но колокола эти, вероятно, были другого устройства и едва ли сохранились до нас, хотя и признается преданием в Антониевом монастыре один небольшой колокол за колокол преподобного Антония Римлянина (1147).

О новгородской Филипповской церкви,² по случаю слития первого колокола в 70 пудов в 1558 году, сказано: «и не бысть колокола большого и никакова и от создания церковей каменных св. апостола Филиппа и великаго чудотворца Николы 175 лет, а было железное клепало». Также в церковной описи Зверина монастыря за 1682 год показана в числе клепал доска железная. Впрочем, до XIV века еще упоминается о колоколах вечевых и корсунских (Карамзин), а с XIV и XV веков – о нынешних колоколах церковных. Первый из этих колоколов, как известно по летописям, слит в 1342 году к Софийскому собору московским мастером Борисом, по приказанию архиепископа Василия, а в XV веке при архиепископе Евфимии были литы колокола не только церковные, но и часовые.

Что касается XVI и XVII веков, то от этого времени осталось немало колоколов и даже с надписями русскими и иностранными, указывающими на русских и западных колокольных мастеров.

Колокола обыкновенно отливаются из так называемой колокольной меди, состоящей из сплава 78 % чистой меди и 22 % олова. Но бывали примеры, что колокола делались из чугуна, стекла, глины, дерева и даже серебра. Так, в Китае, в Пекине, существует один колокол чугуный, отлитый в 1403 году. В Упсале, в Швеции, есть колокол из стекла, превосходного звука. В Брауншвейге, при церкви св. Власия, хранится как редкость один деревянный, тоже очень старый, лет около трехсот, называвшийся некогда колоколом св. великого пятка; он употреблялся во время еще католицизма, и в него звонили на Страстной неделе. В Соловецком монастыре находятся глиняные колокола, неизвестно когда и кем слепленные.

Колокола у нас существуют многих видов и названий. Так, известны *набатные, вечевые, красные царские, пленные, ссыльные, благовестные, полиелейные, золоченые* и даже *лыковые*; существуют еще небольшие колокола под названием *кандия* или *звонец*. Им дается знать звонарю на колокольную о времени благовеста или звона.

¹ О колоколах в Киеве упоминается в 1171 г. См.: ПСРЛ Т. 1 С. 100.

² Церковная летопись в Синодике XVIII в.

Первый из набатных колоколов висел в Москве, в Кремле, подле Спасских ворот, в настенном шатре или полубашенке;³ он назывался также царским, сторожевым и всполошным; в него звонили во время нашествия врагов, мятежа и пожара; такой звон назывался «всполохом» и набатом.⁴ На этой полубашенке висел прежде, как полагали, вечевой колокол, привезенный в Москву из Великого Новгорода, после покорения его Иоанном III. Существует предположение, что Новгородский вечевой колокол был перелит в Московский набатный, или всполошный в 1673 году. По указу царя Федора Алексеевича, он сослан был 1681 года в Корельский Николаевский монастырь (где погребены дети Новгородской посадницы Марфы Борецкой) за то, что звоном своим в полночь испугал царя. На нем вылита следующая надпись: «лета 7182 июля в 25 день, вылит сей набатный колокол Кремля города Спасских ворот, весу в нем 150 пудов». К этой надписи прибавлена другая, вырезная «7189 года, марта в 1-й день по именному великаго государя царя и великаго князя Феодора Алексеевича всея великия и малыя России самодержцу указу дан сей колокол к морю, в Николаевский-Корельский монастырь за государское многолетнее здравие и по его государским родителям в вечное поминовение неотъемлемо при игумене Арсении».⁵

По свидетельству старожилов, у другого набатного колокола, который висел на башне Спасских ворот после первого колокола и который теперь хранится в Оружейной палате, по приказу Екатерины II был отнят язык за то, что он во время Московского бунта в 1771 году сзывал народ: в таком виде он висел до 1803 года, когда был снят с башни и поставлен под каменным шатром у Спасских ворот вместе с большими пушками. По сломке шатра, он был сперва помещен в арсенал, а потом в Оружейную палату: на нем находится следующая надпись: «1714 года июля в 30 день вылит сей набатный колокол из старого набатного же колокола, который разбило, Кремля города ко Спасским воротам, весу в нем 108 пуд. Лил сей колокол мастер Иван Маторин».

Вот что находим о набатном колоколе в статье Г.В. Есипова:⁶ в 1803 году стены и башни Московского Кремля во многих местах начали разваливаться и Московская Кремлевская экспедиция озаботилась их исправлением, главноуправляющий Кремлевскою экспедицею П.С. Валуев, командировал чиновника в набатную башню с приказанием снять осторожно колокол и сдать его в экспедицию для хранения в кладовой, впредь до исправления башни. Когда сняли колокол и хотели его везти в кладовую, явился офицер с солдатами и заявил, что комендант приказал оставить колокол на площади, и поставил к нему двух солдат. Сконфуженный чиновник донес Валуеву об аресте колокола. Валуев отличался непомерным самолюбием и послал к коменданту чиновника, который на словах заявил ему, чтобы он немедленно возвратил колокол. Комендант потребовал письменного объяснения. Валуев не замедлил такое послать, и немного резкое.

Комендант нашел тон письма, да и самое требование немного оскорбительным и пожаловался московскому главнокомандующему графу Салтыкову. Главнокомандующий тоже, вероятно, не совсем довольный тем, что Валуев обратился к коменданту помимо его, в тот же день уведомил Валуева, «что он находит действия коменданта совершенно законными и просит в подобных случаях обращаться к нему, главнокомандующему, и содержать коменданта в том внимании, какого он заслуживает по отличному усердию и исправности, в толиколетнем прохождении важного служения своего оказанными».

Валуеву стало понятно, что сделал ошибку, погорячился, и что главнокомандующий может довести об этом до высочайшего сведения, а главнокомандующий и Валуев, как два мед-

³ Государя российские после коронования своего входили сюда показаться народу, собиравшемуся на Красной площади.

⁴ См.: Снегирев И.М., Мартынов А. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества М., 1848.

⁵ См.: Шекатов А., Максимович Л.М. Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем ононого виде Ч. 1–7. М., 1801–1809.

⁶ См.: Исторический вестник. 1881. № 2. С. 418.

ведя в берлоге, жили не в ладу, и Валуев решил искать покровительства в любимце императора, Трошинском, мимо которого в случае жалобы графа Салтыкова дело это не могло пройти.

«Опасаясь, что главнокомандующий представит о *деле своим манером* на высочайшее усмотрение, доношу вашему высокопревосходительству (писал Валуев к Трошинскому), яко единственному благотворителю, о встретившейся неприятности от коменданта и главнокомандующего, душащими меня непомерно пустыми отношениями.

По понятию моему о пользе казны и славе моих государей, истребил я, без огласки, прошедшим летом два застенка, яко памятники времен жестоких и бесчеловечных, употребляя из оных материалы на исправление древностей, заслуживающих быть сбереженными в позднейшие времена и что этим оправдал я ваше покровительство, снискал всеобщую жителей московских эстиму и заслужил монаршее благоволение. Руководствуясь таковым же подвигом, *спрятан у меня давно язык* известного колокола, служащего возвестителем всех возмущений стрелецких и возмущения во время чумы в царствование Екатерины Премудрой».

После такого напоминания о своих заслугах, оказанных государю и отечеству и московским жителям, Валуев в письме к Трошинскому рассказывает, как комендант арестовал колокол и оставил его под караулом на площади, «где прохожие, может быть, делают о том разные толки и заключения, а главнокомандующий, не осмотрев места и не расспросив о том у меня, пишет ко мне отношение, которое я оставил без ответа, как для избежания дальнейших историй, так и потому, что ответствуя, обязан бы я был объяснить его сиятельству, что колокол, им уважаемый, есть памятник зол российских, заслуживающий быть забыт всеми благомыслящими отечества сынами, памятник бесславия покойного отца его, который, будучи главнокомандующим, от чумы и возмущения укрылся в подмосковную, за что и был отставлен, и дана преемнику его инструкция, в которой упомянуто о его побеге».

Изливши свою злость на главнокомандующего и даже на его покойного отца, Валуев принял за коменданта:

«Комендант говорит, что без начальства колокола отдать не может. Буде колокола принадлежат к военной дисциплине и аккуратности, почему же не воспрепятствовать мне прошедшим летом разбирать колокола на башнях Спасской и Троицкой?

Обязан я был объяснить ему (главнокомандующему), что в моем чине, служа непорочно 50 лет, разумею я должен, кому какие давать уважения, не погрешая против коменданта, о котором он сам отзывался, что он пьяница и знает только службу капральскую».

Вступив на дорогу сплетней и злоречия, Валуев не остановился на самых ничтожных мелочных объяснениях Салтыкова и коменданта:

«Злоба коменданта происходит от того, что не удовлетворяются его пустые требования о снабжении его дома невероятным числом дворцовыми мебелью, о набитии льдом его погребов и проч. и проч., понеже дом его не в ведомстве экспедиции; злоба главнокомандующего от неблагоприятно расположенных ко мне окружающих его зятя Уварова и правителя канцелярии Карпова». Как ни старался Валуев в глазах Трошинского, который мог донести эти сплетни и выше, очернить коменданта и главнокомандующего, не постыдившись даже по случаю колокола вызвать тяжелые воспоминания фамилии графов Салтыковых о поступке одного из них семейства во время чумы в Москве 1771 года, как ни льстил Трошинскому разными подбострастными и лакейскими фразами, но граф Салтыков остался цел и невредим и 28 мая 1803 года сообщил Валуеву, что государь император повелеть высочайше соизволил: «Набатный колокол сохранять навсегда на своем месте (т. е. на той башне, где он висел), в случае же починки башни сохранять колокол в надежном месте до исправления ее, а по исправлении опять вешать на свое место».

Валуеву осталось, впрочем, утешение, что в решении ничего не было упомянуто о спрятанном им языке от колокола.

Кроме *набатных*, были еще колокола *вестовые*, они существовали в старину, в Сибири и во многих пограничных городах южной и западной России. Ими давали знать о приближении неприятеля к городу. Вечевые колокола у нас были в Новгороде и Пскове, и, как надо полагать, последние не отличались большим весом. Еще в начале XVI столетия во всей Новгородской области не было колокола более 250 пудов весом. Так по крайней мере говорит летописец, упоминая о колоколе «Благовестнике», слитом в 1530 году ко святой Софии повелением архиепископа Макария: «Слить бысть колокол вельми велик, яко такова величеством не бывало в великом Новеграде и во всей Новгородской области, яко страшной трубе гласящи».

Красными колоколами называли такие, которые имели звон красный, т. е. хороший, усладительный, веселый, красные колокола – то же, что красивые, благополучные. В Москве, в Юшковом переулке, существует церковь святителя Николая «У красных колоколов»; этот храм более чем два века славился своим «красным звоном». Есть в Москве еще другой храм, за Неглинною, на Никитской улице, известный под именем «Вознесенье хорошая колокольная».

Но лучшие по тону колокола в России – это в Ростовском соборе. Колокольная этого храма замечательна своим устройством и музыкальными звонами колоколов. Звоны там названы по именам учредителей: Ионин, по имени митрополита Ионы Сысоевича, который с 1652-го по 1691 год в течение 39 лет правил митрополиею Ростовскою; особенно хороший, как говорят знатоки, принадлежал архиепископу Георгию Дашкову, правившему Ростовом уже по уничтожении митрополии с 1718 года по 1731 год, Иоакимовский, по имени архиепископа Иоакима, 1731–1741 годы. Колокола висят в линию и различаются весом: первый в 2000 пудов, второй в 1000, третий в 500 и т. д., до 20 пудов и менее. Всех колоколов тринадцать. Звонари становятся так, что могут видеть друг друга и соглашаться в такте. Это одно из условий гармонии. Митрополит Платон приезжал слушать эти звоны и хотел учредить у себя такие же в Вифании. Но ему сказали: «Дайте такую же колокольную и такие же колокола». Исторические ростовские колокола: *Сысой, Полиелейный, Лебедь*,⁷ *Голодар*.⁸ *Баран, Красный, Козел и Ясак*.

Пленные колокола имеются на колокольных многих наших церквей; особенно богата ими Петербургская губерния, отчасти Москва и затем Сибирь. Из замечательных шведских старинных колоколов один находится в Петербурге за Невской заставой на Фарфоровом заводе, весом в тридцать пудов, с латинскою надписью: «SoLi Deo gloria. Gloria in excelsis Deo. Me fundebat anno 1686⁹ Holmiae Misael. Bader». По рассказам одних, этот колокол найден был в земле при постройке каменной церкви, на месте которой в старину стояла шведская кирка. По другим преданиям, он был взят в плен от шведов императором Петром Великим. Между колоколами Москвы пленных имеется тоже несколько. Замечателен там один *полиелей*¹⁰ с буквами Е. Г. и сбивчивою надписью: «Espoir en tout... de ce cloche es Chonaem st tas en fraci». Этот древний колокол висит на колокольной церкви св. Николая, в Юшковом переулке.

В Красноярске, на соборной колокольной, имеется один колокол, исписанный какими-то восточными письменами. По преданию, он взят из Буддийского храма, по другим рассказам его нашли лет пятьдесят тому назад при разрытии одного кургана в Минусинском селе.

Во время войны царя Алексея Михайловича с Польшею в Сибирь было послано много пленных поляков и литовцев, а с ними отправлены и колокола. Некоторые из пленных колоколов привезены были даже в Енисейск. Но война с Польшею кончилась, и вследствие Андрусовских договоров, по царскому указу пленники, одушевленные и неодушевленные, потянулись обратно в свои прежние места. Впрочем, нет сомнения, что как многие из литовцев и поляков

⁷ По словам отца Израилева, Лебедем этот колокол назван потому, что эта птица при помощи трубчатого устройства дыхательного горла своего производит громкий звук, подавший повод к сказке о Лебединой песне.

⁸ Назван так потому, что в него благовестят в Великий пост.

⁹ Слава единому Богу, Слава Всевышнему, Меня отлил в 1686 году... (лат.)

¹⁰ Колоколом полиелейным называется такой, в который благовестят в большие праздники. Слово «полиелей» греческое и означает «многомилостивое».

добровольно остались в Сибири и после поступили то в городовые, то в линейные казаки, так и колокола, по крайней мере некоторые, не возвратились на родину.¹¹

Ссылных колоколов, кроме известного Углицкого, что висит в городе Тобольске, существует тоже несколько; по большей части они присланы в отдаленнейшие монастыри благочестивыми, но гневными царями.

Помимо Углицкого колокола, в Сибири известны еще *царские* колокола, жертвованные царственными особами. Так, в Сибирь к разным церквям прислано немало колоколов Борисом Годуновым.¹² Потом жертвовали к сибирским церквям и в монастыри цари Алексей Михайлович, Федор Алексеевич и Петр с Иоанном. Из этих колоколов три в 160, в 130 и 40 пудов, литые первый – в 1682 году, а два последние – в 1678 году и присланные в 1680–1684 годах, по сие время в целости существуют в Тобольске, на колокольне Софийского собора. Был на этой колокольне и 4-й царский колокол в 110 пудов, пожертвованный к собору царем Алексеем Михайловичем в 1651 году, но он растопился во время пожара, бывшего в 1688 году.

Кроме того, царских колоколов сохраняется один в Турханском монастыре, в 50 пудов, присланный Алексеем Михайловичем в 1660 году; и затем есть еще четыре колокола в Кондинском монастыре, присланные туда в 1679 году царем Феодором.

Золоченые колокола имеются, кажется, только в городе Таре, в Сибири, при церкви Казанской Божией Матери. Их там шесть: все они небольшие от одного до сорока пяти пудов. Вызолочены они тарским мещанином Семеном Можайтиновым по следующему случаю. Любимый брат этого мещанина, бью по торговым делам степи, попался в плен к киргизам; брат, узнав об этом, дал обет, что если пленник благополучно возвратится из плена, то он позолотит колокола. Брат вернулся, и горячность братской любви заставила выполнить данный обет. По другим рассказам, колокола вызолотил Можайтинов из любви к церковному благолепию.

Лыковые, как и *корноухие* колокола, тоже принадлежат к опальным и ссылным. Лыковые колокола, это ранее разбитые и затем связанные лыком. Один из них имеется, как мне передавал С.В. Максимов, в одном из монастырей Костромской или Вятской губерний; он прислан сюда из Москвы царем Иоанном Грозным...

Лучшие колокольные заводы находятся в Москве, но есть также в Костроме, Валдае, Воронеже, Петербурге, на Урале – в Тагиле, и в Сибири – в Енисейске. Московские заводы на Балкане славятся около трех столетий; самые древние из них – Самгина и Богданова; последний замечателен тем, что большая часть больших московских колоколов отлиты на нем. Древний Царь-колокол отлит там же, мастером Маториным, от которого завод перешел к Слизову, от него – к Калинину, а от последнего в 1813 году – к М.Г. Богданову, который отливал и поднимал сам на Ивановскую колокольню нынешний московский большой колокол в четыре тысячи пудов. Московские заводы настолько хорошо делают колокола, что заказы получают из самых отдаленнейших мест Сибири и из-за границы. Медь для колоколов употребляется лучшего качества, иногда старый колокольный лом. Для расплавки 100 пудов меди сжигается до трех сажень дров, для тысячи пудов – не менее десяти сажень, для 10 000 пудов – до 30 сажень. Когда медь совершенно расплавится, к ней прибавляют минут за пять или за десять до отливки известное количество олова, полагая его 22 фунта на каждые сто фунтов меди, тщательно размешивая медь. При отливке некоторые из присутствующих, благоговейно крестясь, бросают в растопленную массу серебро, принося этим посильную лепту; другие же полагают, что от этого звон будет чище.

¹¹ См.: Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. М. 1838. Кн. 1. С. 198.

¹² См.: грамоты, помещенные в Сибирской истории Миллера (Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. Пер. с нем.) Кн. 1. СПб., 1750, Гл. 6–8 2-й части печатались под загл. «Сибирской истории» в «Ежемес. соч. и изв. о ученых делах». 1764. Т. 20.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.